

ПРОГУЛКА ПО МУЗЕЮ

«Калоши будьте добры оставить и портфель. Каталог? Нет, у нас без каталога, и так каждому все оразу видно. А кроме, наверно и объяснители есть». Тут швейцар лукаво улыбнулся. Значение этой улыбки мы поняли лишь потом.

***

Войдя в первую залу музея, мы увидели юношу, который, сидя у письменного стола, словно забавлялся картонными фигурками. Мы подошли ближе. Да, в самом деле, вот он берет одну фигурку, приклеивает к ней ярлычок, на котором крупным шрифтом написано — «злбный фашист». Рядом валялась другая фигурка с ярлычком — «прекрасная большевичка». Подаль стоял картонный домик с большой надписью на фронтоне — «мрачная тюрьма, но он из тюрьмы убежит». По столу были разбросаны в беспорядке картонные фигурки, модели автомобилей, аэропланов, пулеметов, сердец, пронзенных стрелой, амуров с крылышками и всякого прочего барахла. На полочке над столом стояло несколько внижек. На корешках мы прочли: «Полный каталог заголовков для глав», «Сборник аристократических имен», «Сотня драматических сюжетов», «Книга идеологических рецептов».

— Сложная у вас кухня, — обратились мы к юноше, — это что же, кукольный театр?

— Нет, — пробурчал юноша, — это мастерская Халдетидром'а...

— Как?

— Ну, да, халтурно-детективно-идеологического романа. Разве ж вы не знаете? Ведь я большой специалист, автор «Укразии» и «Четверги мистера Дроида». Меня и посадили сюда, чтоб показать, как это все делается.

— Вы что ж, экспонат?

— И экспонат, и объяснитель, согласно порядку этого музея. Неловко, конечно. Приходят, смеются, а я об'ясняю... Как будто я виноват, что меня печатали. Нет, отбуду срок — и к чорту, довольно, займусь кооперацией. Ладно. Позвольте вам об'яснить технику приготовления Халдетидром'а: это просто берется стертый штамп, пропускается через сюжетную машинку...

— Спасибо, — перебили мы его, — как-нибудь в другой раз.

Внимание наше привлекла странная сцена. Несколько человек разного вида и возраста, и повидному социального положения, взявшись за руки, образовали круг, посреди которого на возвышении стояла и тряслась молодая девушка. Люди в кругу внимательно всматривались в девушку, и о чем-то горячо спорили. Одного из них мы узнали: это был знакомый писатель, автор романа «Победа».

— Вы о чем спорите? — спросили мы.

— Да вот, — ответил наш знакомый, — тут музей дал об'явление, что найдена «загрепетавшая девушка», автора просят явиться. Я и явился, ведь это у меня «девушка загрепетала», узнав о смерти Ленина. А оказывается, тут еще голубчики нашлись, и у них тоже «девушка загрепетала». Но это безусловно моя, она у меня по особому трепещет, идеологически, а у них, кто их знает почему, трепещет, может, просто крысы испугалась. Девушку мне возвратить должны, она еще пригодится, Надей ее зовут...

— Ну, если Надей, так значит это ваша, — успокоили мы его.

Рядом стоял человек, занимавшийся почему-то малярным делом. Он то и дело опускал кисть в ведро с густой красной краской и тщательно закрашивал страницы лежавшей перед ним большой книги. Мы заинтересовались, и он любезно об'яснил нам:

— Видите ли, я автор «Огненной лапы», — знаете, печаталась в «Красной Нови». Демонстрирую новый способ творчества, думаю взять патент. Если тщательно закрасить романы Бенуа красной краской, аккуратно обшугить, кой-где подчистить ножичком, переменить имена, оставив, конечно, экзотику — получается прекрасный советско-колониальный роман. Патент взять необходимо, потому, знаете ли, охотников много найдется...

С чем мы не могли не согласиться. Но о этом не согласился элетантный гражданин, пристально глядевший в приставленный к глазам бинокль:

— Колониальный роман? Глушо! Полное непонимание социального заказа. То ли дело роман индустриализующейся, коллективизирующей, социализирующей, и вообще ирующей дерев-

ни. Я вот написал. Читали? «Поросль» называется. Роман с колхозом и трогательным концом.

— А зачем вы в бинокль смотрите?

— Да вот пристали ко мне, что я деревни не знаю. То-есть — ни в зуб. Что ж, я не гордый, начал изучать. — И он передал нам бинокль. Мы увидели прекрасно сделанную модель деревни с кулаками, середняками и бедняками, с оселькором и ячейками и прочими аксессуарами.

— И этого достаточно для изучения? Модель через бинокль?

— Прекрасная ведь модель, сделана по специальному заказу музея. А бинокль — полевой. Почему ж не изучить?

Мы хотели было склониться перед таким оптимизмом, но услышали вдруг нарастающий гул ожесточенного спора. Мы прислушались. Оказывается, шел спор между претендентами на приз музея за самое скверное произведение литературного сезона.

— Если приз будут давать за безграмотность, — мрачно бубнил автор романа «На пьяном кресте», — то я определенно первый кандидат... «Он тербил ее за подбородок или за подмышку» — кто так напишет? Ну-ка, переключите!

— И переключем, — с благородством в голосе заявил автор романа «Закрайщина», — у меня, например, «Седые бакенбарды Федотыча почитительно склонились к уху Александра Львовича и довольно явственно прошептали». Не угодко ли! Шепчущие бакенбарды — это вам не подмышка...

— Ни черта не понимаете, — презрительно отнесся автор «Ущелья Смерти». — Безграмотно писать нынче каждый умеет. Главное дело — это букетей пошлости преподнести, чтоб такой запашок пошел... У меня это адророво сделано.

— Не люблю хвастовства, — задумчиво произнес автор повести «Велая Гибель», — и велика ли трудность Кавказ обслуживать. Пошлость должна пробивать себе новые пути, совершать небывалые завоевания. Будьте добры, попытайтесь, как я, обслуживать и опощить гибель Амундсена, а потом разговаривайте!

— А про меня забыли, — горько заплакал автор «Рынка любви», — я, я как замечательно про любовь...

— Уж не пошлее, чем я насчет проблемы интеллигенции, — ярвенул автор «Инженера Далматова».

И тут поднялся невообразимый шум. Зажав уши, выбежали мы из музея.

***

Конечно, это утопия. Музей халтуры и дурного вкуса еще не открыт. Но ведь он нужен! Нужен музей, где демонстрировались бы на черных досках отдельные фразы и целые страницы в стиле трепещущих девушек и говорящих бакенбард, где коллекционировались бы бессмертные образцы литературной пошлости, где изучались бы методы построения халтурно-деревенского, халтурно-производственного, халтурно-экзотического романа, где имелись бы каталоги словесных штампов, и штампованных персонажей... И не из одной залы беллетристов должен состоять этот музей. А зала критиков? А собирательный портрет молодого человека, упражняющегося в «марксистской рецензии»? А описи критиков, переворачивающих цитаты, приписывающих цитату из одного писателя — другому? А домыслы наших Катонов о том, как чувствует себя такой-то писатель на таком-то собрании? А сборник наиболее популярных ругательств «марксистского образца»? А сравнительная таблица штампов, прилагаемых к пролетарским писателям, к крестьянским, к попутчикам, к Иванову, к Пильняку? Как поучительна, как красноречива была бы эта зала.

Но пройдемся дальше, по другим залам. По залам кино-кадров из «Живого трупа» и «Хромого барина». По залам живописи, где будут жестоко бороться Пчелин с Бродским. По залам прикладных искусств, где будут экспонироваться обертки мыла треста Тяжэ, и статуэтки Мосторга. По залам музыки, где оглушают нас авторы идеологических романсов и производственных опереток...

Такой музей должен быть создан. Если бы даже для того, чтоб найти помещение для него, пришлось бы потесниться нашей Академии Художественных Наук. Что скажут по этому поводу товарищи из ГАХНа?

Мих. Левидов.